

4.2. Размер избирательного округа и другие территориальные аспекты

Как показано в главе 2, хотя идеологи пропорциональной избирательной системы ратовали за проведение выборов в едином общенациональном избирательном округе, первоначально эта система применялась в основном в небольших многомандатных избирательных округах. Вскоре, однако, появились многоуровневые модели: выборы проводились в небольших многомандатных избирательных округах, но в этих округах распределялись не все мандаты — часть мандатов распределялась на более высоких уровнях, вплоть до общенационального.

Лишь после Второй мировой войны выборы в общенациональном избирательном округе стали проводиться в Израиле (120 депутатов) и Нидерландах (150 депутатов), а также в рамках смешанной системы — в Федеративной Республике Германии (первоначально 242, в настоящее время 299, не считая «избыточных» и «выравнивающих»). После 1989 года, когда пропорциональная избирательная система стала распространяться в странах новой демократии, во многих она также стала реализовываться в едином общенациональном округе — на Украине (225 депутатов при смешанной и 450 депутатов при полностью пропорциональной системе), в Молдове (101 депутат), Сербии (250 депутатов), Словакии (150 депутатов).

При этом в Российской Федерации возникла новая модель пропорциональной избирательной системы — с разбиением партийного списка на территориальные части.

Территориальные аспекты пропорциональной системы демонстрируют сложности в процессе поиска баланса различных факторов. С одной стороны,

чем меньше размер избирательного округа, тем больше искажение пропорциональности. С другой стороны, в небольших округах списки включают меньшее число кандидатов и избирателю обычно легче ориентироваться, учитывать личности кандидатов. Также чем больше размер округа, тем труднее реализовать модель открытых списков. Кроме того, при выдвижении общенациональных списков усиливается централизация и бюрократизация политических партий¹.

С целью соединить достоинства единого округа (минимизация искажений пропорциональности) и небольших многомандатных округов (приближение кандидатов к избирателю) были созданы многоуровневые модели. Однако при этом возникает другой недостаток — избирательная система становится более сложной.

Далее мы разберем три варианта решения территориальной проблемы — разделение территории на небольшие многомандатные округа, разбиение списка на территориальные части и многоуровневые системы.

4.2.1. Разделение территории на избирательные округа

Конституция Финляндии предусматривает, что для парламентских выборов территория страны делится на многомандатные избирательные округа, число которых может быть от 12 до 18; от каждого

¹ Отметим, что проведение выборов в едином общенациональном округе может совмещаться с выдвижением партийных списков на более низком уровне. Так, в Германии списки земельные, они выдвигаются земельными организациями политических партий. Фактически же выборы проводятся в едином общенациональном округе (см. подраздел 3.7.2).

округа избирается не менее 7 депутатов (кроме Аландских островов, от которых избирается один депутат). В начале 2000-х годов страна делилась на 15 округов¹. На выборах 2015 года действовали 13 округов, включая Аландские острова. От этих округов избирались 7, 8, 10, 14, 16 (в двух), 17 (в двух), 18, 19, 22 и 35 депутатов². Подробнее о распределении мандатов в этих округах будет сказано в подразделе 4.6.1.

На выборах польского Сейма 2015 года территория страны делилась на 41 многомандатный округ. При этом в одном округе распределялось всего 7 мандатов, в четырех — 8 мандатов, в девяти — 9 мандатов, в пяти — 10 мандатов, в одном — 11 мандатов, в двенадцати — 12 мандатов, в одном — 13 мандатов, в четырех — 14 мандатов, в двух — 15 мандатов, еще по одному округу имели 16 и 20 мандатов. Это приводит (вместе с завышенными заградительными барьерами) к заметным искажениям пропорциональности при распределении мандатов. Так, партия «Право и справедливость» получила 37,6% голосов и 51,1% мандатов (то есть создалось «сфабрикованное большинство»), а Современная партия с 7,6% довольствовалась 6,1% мандатов, Польская народная партия с 5,1% голосов — 3,5% мандатов³. Если бы мандаты распределялись в общенациональном масштабе, при тех же барьерах и методе д'Ондта «Право и справедливость» получила бы только 45,2% мандатов, зато Современная — 9,1%, а Польская народная партия — 6,1%.

В Испании 50 многомандатных избирательных округов соответствуют провинциям, плюс Сеута и

¹ Современные избирательные системы. Вып. 3. М., 2009. С. 251–252.

² <http://tulospalvelu.vaalit.fi/E-2015/en/lasktila.html>.

³ http://parlament2015.pkw.gov.pl/pliki/1446212089_obwieszczenie_Sejm.doc.

Мелилья являются одномандатными округами. На выборах 2004 года в девяти провинциях распределялось всего по 3 мандата, в девяти — по 4, в девяти — по 5, в пяти — по 6, в пяти — по 7, в трех — по 8, в четырех — по 9, по одной провинции имели 10, 11, 12, 16, 31 и 36 мандатов. Экспертами отмечается, что это приводит к сильным искажениям пропорциональности представительства¹.

В Чехии территория страны также делится на многомандатные округа (соответствующие краям страны), но число мандатов в каждом округе не определяется заранее, а вычисляется пропорционально числу действительных голосов, поданных в каждом крае². На выборах 2013 года края получили от 5 до 25 мандатов³.

В Латвии 100 депутатов избираются в 5 многомандатных округах, в Словении — 90 депутатов в 8 округах⁴. В Турции территория страны делится на 85 многомандатных округов, в парламент избирается 550 депутатов, то есть средний размер округа — 6,5 мандата⁵.

4.2.2. Разделение партийного списка на территориальные части

В Российской Федерации при выборе в 1993 году модели пропорциональной системы было решено проводить выборы половины депутатов Государственной Думы (225) по единому общедоказательному

¹ Современные избирательные системы. Вып. 3. М., 2009. С. 38, 72–76, 83.

² 25+2 electoral models. I. Electoral Systems. 2006. P. 15.

³ <http://volby.cz/pls/ps2013/ps53?xjazyk=CZ&xv=1>.

⁴ 25+2 electoral models. I. Electoral Systems. 2006. P. 18, 25, 33.

⁵ Избирательное законодательство и выборы в современном мире. М., 2009. С. 464–467.

му округу, несмотря на то что Россия — огромная страна с большим количеством регионов.

Однако именно большое количество регионов и значительное их неравенство по численности населения вынудили сделать такой выбор. Было абсолютно ясно, что при разбиении территории России на 89 округов, соответствующих субъектам РФ, в большинстве округов невозможно применить пропорциональную систему: на них пришлось бы всего два-три мандата, а то и один. В то же время образование многомандатных округов из территорий нескольких субъектов РФ авторы первого закона о парламентских выборах сочли искусственным и недопустимым¹.

В то же время разработчики российского законодательства нашли способ скомпенсировать недостаток, присущий единому округу. Было предложено разбивать федеральный список на региональные группы. Правда, в первом варианте, который применялся на выборах 1993 года, разбиение списка на группы было правом, а не обязанностью избирательного объединения. Кроме того, никак не ограничивался размер центральной (общедофедеральной) части списка. В результате норма оказалась малоэффективной. Из 13 участвовавших в выборах избирательных объединений разбили свой список только шесть (два из которых в Думу не прошли), причем у двух общедофедеральные части были столь большими, что ни один кандидат из региональных групп мандата не получил. В целом из 225 мандатов только 29 достались кандидатам, включенным в региональные группы.

На выборах 1995 года разбиение списка на региональные группы стало уже обязанностью. В результа-

¹ Избирательный закон: Материалы к обсуждению. М., 1993. С. 81–84; Каюнов О. Н. Незримая логика избирательных законов. М., 1997. С. 34–36.

те длительных споров при подготовке закона появилась норма об ограничении общедолевой части списка 12 кандидатами, что составляло примерно 5% от числа мандатов, распределяемых по пропорциональной системе¹. При таком ограничении от каждой партии, прошедшей в Думу, хотя бы небольшое число избранных депутатов должно было представлять региональные группы.

В законе, действовавшем на выборах 1999 года, максимальный размер общедолевой части списка был увеличен до 18 кандидатов. В результате от Блока Жириновского в Думу не попал ни один кандидат из региональной части списка.

Следует отметить, что требование закона об обязательном разбиении списка на группы можно было легко обойти. Так, в 1995 году некоторые блоки выделили в своих списках всего две региональные группы, одна из которых включала Эвенкийский автономный округ (субъект РФ с наименьшим числом избирателей), а другая — все остальные регионы. Однако такого рода поведение было характерно лишь для маргинальных объединений и блоков. Серьезные избирательные объединения разбивали свои списки на значительное число групп. Так, на выборах 1995 года у КПРФ было 20 групп, у объединения «Яблоко» — 51, у движения «Наш дом — Россия» — 85, у ЛДПР — 89.

На выборах 1999 года среднее число групп в списках несколько снизилось, так как партиям стали ясны негативные последствия слишком сильного дробления списка. Тем не менее число групп у большинства серьезных объединений и блоков было вполне солидным: у Блока Жириновского было 7 групп,

¹ Гельман В. Я. Создавая правила игры: российское избирательное законодательство переходного периода // ПОЛИС. 1997. № 4. С. 137–144.

у объединения «Яблоко» — 16, у КПРФ — 20, у блока «Медведь» — 26, у блока «Отечество — Вся Россия» — 36.

В законе, действовавшем на выборах 2003 года, было установлено, что число региональных групп должно быть не меньше семи. Размер общефедеральной части списка сохранился прежним (18 кандидатов) несмотря на то, что Комитет по государственному строительству (при согласии представителей ЦИК России) предлагал вернуться к норме, ограничивавшей эту часть 12 кандидатами.

На выборах 2003 года самым дробным был список Аграрной партии России (57 групп), 4 партии и блок из числа получивших более 3% голосов («Единая Россия», «Родина», Союз правых сил, блок «Российская партия пенсионеров и Партия социальной справедливости») выделили в своих списках 28–31 группу. У КПРФ было 20 групп, у партии «Яблоко» — 15, и только ЛДПР обошлась минимумом в 7 групп¹.

На выборах 2007 года, помимо перехода на полностью пропорциональную систему, были существенно изменены правила формирования партийного списка. Общефедеральная часть списка ограничена тремя кандидатами. Минимальное число региональных групп увеличено до 80 (то есть более чем в 10 раз). Регионы с числом избирателей более 1,3 миллиона было разрешено разбивать на несколько групп (соответствующие этим группам территории устанавливались решением ЦИК России). При объединении регионов в одну группу численность избирателей на соответствующей территории не должна была превышать 3 миллиона. Группы должны были охватывать все субъекты федерации. Запрещено было об-

¹ Любарев А. Разбиение партийного списка на региональные группы: проблемы территориального представительства // Журнал о выборах. 2007. № 5. С. 37–42.

разовывать группы из не граничащих между собой регионов (за исключением анклавной Калининградской области).

Таким образом, количество региональных групп, на которые должен был быть разбит партийный список, могло варьироваться от 80 (минимум, установленный законом) до 153 (такое количество групп получалось при максимально возможной разбивке на группы больших регионов). Большинство партий, выдвинувших списки на выборах 2007 года, предпочли разбиение, близкое к минимальному: у семи число групп было от 83 до 90, у пяти — от 92 до 99 и только у двух — более 100. Такое разбиение означало, что большинство региональных групп соответствовали отдельным субъектам РФ и только небольшое число групп объединяло несколько регионов или, напротив, соответствовало части территории региона¹.

На выборах 2011 года правила формирования списка были немного изменены. Максимальное число кандидатов в общефедеральной части было увеличено до 10, а минимальное число региональных групп сокращено до 70. Максимально возможное число региональных групп в этот раз оказалось равным 151 (оно немного уменьшилось из-за ликвидации нескольких мелких субъектов РФ). Партии, как

¹ Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыва. Бюллетень Национального центра демократических процедур. М., 2008. С. 33–39; Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыва. 2007: Сборник информационно-аналитических материалов. М., 2008. С. 14–51; Бузин А. Ю., Любарев А. Е. Преступление без наказания: Административные избирательные технологии федеральных выборов 2007–2008 годов. М., 2008. С. 35–37.

и на предыдущих выборах, стремились к разбиению, близкому к минимальному: четыре партии из семи разбили свои списки менее чем на 80 групп, одна — на 80 групп и две — на 82 и 83 группы¹.

Новый федеральный закон о выборах в Государственную Думу, принятый в 2014 году, возвращающий параллельную (смешанную несвязанную) избирательную систему, сохранил максимальное число депутатов в общенациональной части, равное 10, но вдвое (до 35) сократил минимальное число региональных групп.

На всех выборах в Государственную Думу мандаты между региональными группами внутри партийного списка распределялись пропорционально голосам, поданным за партию на соответствующих территориях (по методу Хэйра — Нимейера).

Таким образом, российская модель позволяет обеспечивать территориальное представительство при выборах по единому общенациональному округу. При этом сами партии решают, как разбивать список, в том числе какие регионы соединять между собой, что позволяет избегать искусственности, неизбежной при принудительной процедуре.

Однако требование разбиения списка на большее число групп, действовавшее на выборах 2007 и 2011 годов, имело ряд негативных последствий. Так, для некоторых небольших по численности населения регионов расчеты показывали, что добиться представительства в Государственной Думе регион может только через список партии, получающей более 200 мандатов, то есть «Единой России». Но для этого зачастую требовалась высокая явка и более высокая, чем в целом по стране, поддержка партии вла-

¹ Федеральные, региональные и местные выборы в России 4 декабря 2011 года. М., 2012. С. 8, 29–32.

сти. Поэтому в таких регионах на представителей элиты оказывалось особое давление, чтобы они консолидированно (безотносительно к своим политическим убеждениям) поддержали «Единую Россию». Вообще в тех случаях, когда списки разбиваются на группы, в основном соответствующие субъектам РФ, региональные власти получают сильный стимул повысить явку любыми законными и незаконными методами, поскольку от явки зависит число мандатов, получаемых регионом.

Также требование разбиения списка на большое число групп в сочетании с некоторыми другими требованиями не давало партиям возможность формировать группы, соответствовавшие территориям с примерно равной численностью избирателей, что позволило бы создавать условия для эффективной внутрипартийной конкуренции. Большинство партий не могло рассчитывать на получение 70 и более мандатов, поэтому им приходилось создавать заведомо «непроходные» группы, где кандидаты не имели серьезных стимулов для предвыборной борьбы. Довольствуясь по итогам голосования 40–60 мандатами, эти партии лишались возможности иметь на некоторых территориях своих депутатов, а их избиратели не получали «своего» депутата¹.

Более того, при таком большом числе групп возникла опасность, что некоторые регионы не получают депутатов ни от одной из партий. О такой опасности

¹ Любарев А. Разбиение партийного списка на региональные группы: проблемы территориального представительства // Журнал о выборах. 2007. № 5. С. 37–42; Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыва. Бюллетень Национального центра демократических процедур. М., 2008. С. 33–39, 190–191; Федеральные, региональные и местные выборы в России 4 декабря 2011 года. М., 2012. С. 29–32, 235–237.

мы писали еще в 2007 году¹. Но тогда, главным образом из-за высокого результата «Единой России», эта опасность миновала². Однако на выборах 2011 года негативный прогноз сбился: один из регионов (Республика Алтай) оказался без представительства³.

На региональных выборах до 2003 года разбиение списков на территориальные группы не практиковалось. В период 2003–2005 годов оно еще было редкостью — данную модель использовали 8 регионов из 44. Однако в 2006–2009 годах ее применила уже почти половина регионов — 32 из 70. А затем она стала доминировать: в период 2010–2013 годов списки должны были разбиваться на группы в 64 кампаниях из 75⁴.

По нашему мнению, разбиение списков на группы оправдано в больших и неоднородных регионах, а в небольших однородных регионах дробление списков имеет больше отрицательных, чем положительных качеств с точки зрения обеспечения интересов избирателей. Кроме того, разбиение списков в большей степени важно при полностью пропорциональной системе, так как в случае смешанной системы территориальное представительство обеспечивается депутатами по одномандатным округам. Мы же ча-

¹ Любарев А. Разбиение партийного списка на региональные группы: проблемы территориального представительства // Журнал о выборах. 2007. № 5. С. 37–42.

² Козлов В. Н. Проблемы представительства регионов в новой Государственной Думе // Журнал о выборах. 2007. № 6. С. 38–45.

³ Федеральные, региональные и местные выборы в России 4 декабря 2011 года. М., 2012. С. 236.

⁴ Кынев А. Выборы парламентов российских регионов 2003–2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. М., 2009. С. 44–47; Кынев А. Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: От партизации к персонализации. М., 2014. С. 70–79.

сто видим обратную картину: не было разбиения на группы в нескольких регионах, где выборы проводились по полностью пропорциональной системе, а также в ряде крупных регионов страны с неоднородным (в том числе этнически) электоратом (Республика Татарстан, Краснодарский край, Кемеровская область; в первом цикле — также Республика Коми, Московская и Ростовская области), зато практиковалось разбиение во многих небольших по числу избирателей и относительно однородных регионах¹.

При этом, в отличие от выборов в Государственную Думу, в большинстве регионов был выбран наиболее жесткий вариант разбиения списка на территориальные группы: группы привязаны к одномандатным округам, и их запрещено объединять². Поскольку в большинстве случаев число одномандатных округов было равно числу мандатов, распределяемых по пропорциональной системе (или было на единицу меньше), получалось, что список необходимо было разбивать на столько групп, сколько мандатов рас-

¹ Любарев А. Е. Регулирование избирательной системы в законодательстве субъектов Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2010. № 4. С. 76–82; Кынев А. Выборы парламентов российских регионов 2003–2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. М., 2009. С. 44–47; Кынев А. Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: От партизации к персонализации. М., 2014. С. 70–79; Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 8 сентября 2013 года: тенденции, проблемы и технологии. М., 2014. С. 33–34; Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции. М., 2015. С. 41–42.

² При этом чаще всего распределение мандатов внутри списка основывалось не на абсолютном числе голосов, а на проценте голосов, полученных партией на соответствующих территориях (рейтинговый метод).

пределялось по единому округу. Правда, обычно региональный закон разрешал создавать меньшее число групп, но это невыгодно самим партиям — в этом случае они оставляют некоторые территории без кандидатов¹. В качестве дополнительного обременения во многих региональных законах содержалось требование, согласно которому в каждой региональной группе должно было быть два или даже больше кандидатов; это вынуждало партии выдвигать списки из большого числа кандидатов, подавляющее большинство которых не имело шансов на избрание².

Такие жесткие требования приводят к тому, что в результате выборов значительная часть территорий оказывается не представленной в списочной половине законодательного органа (а если выборы проводятся полностью по пропорциональной системе — то и в целом в законодательном органе)³. Тем

¹ До 2008 года практиковались также жесткие нормы, позволявшие отказывать в регистрации списка в случае выбытия из него даже одной группы, но Конституционный Суд РФ 11 марта 2008 года признал такие нормы не соответствующими Конституции РФ.

² Кынев А. В., Любарев А. Е. Основные правовые особенности выборов 13 марта 2011 года // Выборы в России 13 марта 2011 года: аналитический доклад. М., 2011. С. 12–31; Кынев А. Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: От партизации к персонализации. М., 2014. С. 70–79; Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции. М., 2015. С. 41–43; Кынев А., Любарев А., Максимов А. На подступах к федеральным выборам — 2016: Региональные и местные выборы 13 сентября 2015 года. М., 2015. С. 54.

³ Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 250–252; Мониторинг региональных избирательных кампаний 11 марта

самым разбиение списков на группы не столько приближает депутатов к избирателям, сколько отдаляет.

Кроме того, разбиение списков на группы, которым соответствует не очень большое число избирателей, делает результаты выборов весьма чувствительными к различным ошибкам и манипуляциям. Так, в Псковской области в 2007 году было зафиксировано большое число жителей Пскова, голосовавших по открепительным удостоверениям в одном из сельских округов; их организовано подвозили с целью увеличить результат соответствующей территориальной группы одной из партий¹. Появляется возможность путем небольших изменений в итогах голосования повлиять на состав избранных депутатов. Такой случай имел место в 2009 году в Карачаево-Черкесской Республике, когда изменение протокола на одном избирательном участке привело к перераспределению мандатов сразу у трех политических партий². Особенно скандальными стали выборы Законодательного Собрания Санкт-Петербурга 2011 года, когда в результате переписывания протоколов по некоторому числу избирательных участков было изменено распределение мандатов у всех оппозиционных партий³.

2007 года. М., 2007. С. 90–92; Любарев А. Разбиение партийного списка на региональные группы: проблемы территориального представительства // Журнал о выборах. 2007. № 5. С. 37–42; Любарев А. Е. Итоги голосования и результаты выборов // Выборы в России 13 марта 2011 года: аналитический доклад. М., 2011. С. 269–270.

¹ Мониторинг региональных избирательных кампаний 11 марта 2007 года. М., 2007. С. 80–81, 165–166.

² Любарев А. Черкесский прецедент // Любарев А. Избирательное право России: проблемы и решения. Саарбрюкен, 2012. С. 210–213 (<http://www.votas.ru/cherkes.html>).

³ Любарев А. В Петербурге, вероятно, фальсифицировали итоги не только в пользу «Единой России» (<http://www.echo.msk.ru/blog/lyubarev/841066-echo/>).

Разбиение списков на группы стало практиковаться и на муниципальных выборах, где оно вообще не имеет плюсов (поскольку территория небольшая и электорат в основном однородный), зато имеет все перечисленные выше минусы, тем более что обычно применяется наиболее жесткий вариант разбиения¹.

В некоторых регионах система разбиения списков на территориальные группы была доведена до крайних форм. Так, в Республике Мордовии в 2003 и 2008 годах, Республике Башкортостан в 2006 году, Калининградской области в 2006 году, Курганской области в 2010 году списки не имели центральной части, то есть полностью разбивались на территориальные группы. А в Санкт-Петербурге в 2007 и 2011 годах в каждой территориальной группе мог быть только один кандидат, что создавало иллюзию мажоритарных выборов².

Такие крайние формы оказались привлекательными для украинских законодателей. В 2002 году в Верховную Раду Украины депутатами С. Б. Гавришем, Ю. Я. Йоффе и Г. П. Дашутиным был внесен проект закона о парламентских выборах, предусматривавший разбиение списка на 450 территориальных групп (по числу депутатов Верховной Рады), в каждой из

¹ Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 8 сентября 2013 года: тенденции, проблемы и технологии. М., 2014. С. 42–43; Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции. М., 2015. С. 53–54; Кынев А., Любарев А., Максимов А. На подступах к федеральным выборам — 2016: Региональные и местные выборы 13 сентября 2015 года. М., 2015. С. 64–67.

² Кынев А. Выборы парламентов российских регионов 2003–2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. М., 2009. С. 46, 472–473; Кынев А. Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: От партизандии к персонализации. М., 2014. С. 72, 423–424.

которых могло быть не более одного кандидата; центральная часть списка не предусматривалась. При этом формально говорилось о разбиении территории страны на 450 территориальных округов и выдвижении партиями в каждом округе не более одного кандидата, однако в реальности речь шла о выборах по партийным спискам. Голос избирателя должен был засчитываться в первую очередь партии, и мандаты должны были распределяться между партиями пропорционально голосам избирателей, а затем мандаты должны были получать кандидаты, в округах которых процент голосов за партию был выше¹.

Тогда этот законопроект не получил поддержки. Однако в 2015 году подобная система была принята для выборов областных, городских и районных советов. Разница лишь в том, что в ходе второго чтения в закон было внесено положение о том, что в списке должна быть центральная часть, состоящая из одного кандидата. Данная система была применена на местных выборах в октябре 2015 года и продемонстрировала недостатки, о которых говорилось выше: часть территорий оказалась непредставленной, в то время как в отдельных территориях были избраны два, а иногда и три депутата².

Ю. Б. Ключковский назвал такую систему «системой Гавриша — Йоффе — Дашутина», или «квазимажоритарной пропорциональной системой»³. Как уже отмечалось выше, у избирателя, особенно при соот-

¹ Ключковський Ю. Б. Виборчі системи та українське виборче законодавство. Київ, 2011. С. 111–114.

² Любарев А. Законодательство Украины о местных выборах и его применение на выборах 25 октября 2015 года (http://www.epde.org/tl_files/EPDE/EPDE%20PRESS%20RELEASES/IMC%20UA%202014/Liubarev_Elections_in_Ukraine_2015_RU.pdf).

³ Ключковський Ю. Б. Виборчі системи та українське виборче законодавство. Київ, 2011. С. 111.

ветствующей информационной (точнее, дезинформационной) кампании, может создаться иллюзия, что он голосует за конкретного кандидата подобно тому, как это происходит при мажоритарной системе. Однако в случае мажоритарной системы голос избирателя либо способствует избранию конкретного кандидата, либо «пропадает»; здесь же голос по факту получает партия, и он может способствовать избранию другого кандидата от этой партии¹.

Отмечается также, что в данном случае голос избирателя отдается как партии, так и кандидату, как это имеет место в случаях открытых списков (см. раздел 3.6) и систем добавочных представителей (см. подраздел 3.7.3). Однако, в отличие от открытых списков, здесь у избирателя нет возможности выбрать кандидата из списка поддерживаемой им партии. В большей степени данная система похожа на системы добавочных представителей — в обоих случаях один и тот же голос засчитывается и партии, и кандидату. Тем не менее в системах добавочных представителей голос избирателя в первую очередь засчитывается кандидату, и он может оказаться избранным, даже если его партия не получит мандатов (поэтому мы относим системы добавочных представителей к смешанному типу). При «системе Гавриша — Йоффе — Дашутина» кандидат может получить мандат только в том случае, если его партия будет участвовать в распределении мандатов. Именно поэтому мы относим данную модель к типу пропорциональных, а не смешанных систем. Хотя следует признать, что

¹ В случае, когда партия представляет сплоченную группу единомышленников, это можно считать положительным моментом. Однако если в партии представлены разные течения, к которым у избирателя может быть различное отношение, система вводит его в заблуждение, поскольку его голос может способствовать избранию нежелательного для него кандидата.

в данном случае наблюдается конвергенция, и «система Гавриша — Йоффе — Дашутина» как крайний вариант пропорциональной системы с разбиением списка на территориальные группы начинает напоминать некоторые крайние варианты смешанной системы.

4.2.3. Многоуровневые системы

Как отмечалось в разделах 2.3 и 2.4, многоуровневые системы появились в период между двумя мировыми войнами и получили еще большее распространение после Второй мировой войны.

Примером двухуровневой системы может служить Швеция. Здесь 349 парламентских мандатов делятся на две части — 310 основных и 39 уравнивающих. Основные мандаты распределяются в 29 многомандатных избирательных округах, в основном соответствующих административным единицам — ленам (только лен Сконе поделен на три округа, а лен Западный Йотланд — на четыре), между партиями, преодолевшими в соответствующем округе 12-процентный барьер. На втором этапе в распределении мандатов участвуют партии, преодолевшие 4-процентный барьер в масштабе страны. При этом определяется, сколько мандатов из 349 должно быть выделено этим партиям исходя из доли голосов, полученных ими в национальном масштабе. Далее число мандатов, завоеванных партией в округах, вычитается из этого количества, и таким образом определяется, сколько уравнивающих мандатов достается партии. Эти мандаты затем передаются тем округам, где соответствующая партия имеет наибольший остаток неучтенных голосов¹.

¹ 25+2 electoral models. I. Electoral Systems. 2006. P. 35–36; Современные избирательные системы. Вып. 2. М., 2007. С. 213–214, 258.

Похожая система применяется в Дании. Страна делится на три крупных региона — столичный, островной и ютландский. Каждый из них в свою очередь делится на 3–4 многомандатных округа, всего таким образом получается 10 округов. В этих округах распределяется 135 мандатов, а еще 40 являются дополнительными (уравнивающими). Эти дополнительные мандаты распределяются сначала между партиями, затем — между регионами и в конечном счете — между округами. При этом, в отличие от Швеции, в округах нет заградительного барьера, а на национальном уровне барьер составляет 2%, но к распределению мандатов на втором этапе допускаются также партии, которые получили как минимум один окружной мандат или в двух из трех регионов получили количество голосов не менее естественной квоты¹.

Иной принцип предусмотрен в Австрии. Здесь система трехуровневая — 43 региональных избирательных округа, 9 земельных округов и общенациональный округ. Но главное отличие от шведской и датской систем в том, что заранее не определяется число мандатов, распределяемых на первом, втором и третьем этапах. На первом этапе распределяются мандаты в региональных округах. При этом используется квота Гогенбах-Бишофа, и каждая партия получает столько мандатов, сколько квот укладывается в собранном ею количестве голосов (или, иными словами, число полученных ею мандатов равно целой части отношения числа голосов к квоте).

Оставшиеся нераспределенными мандаты и остатки голосов суммируются на уровне земельного округа. Во втором распределении участвуют только партии, получившие хотя бы один региональный мандат

¹ Современные избирательные системы. Вып. 4. М., 2009. С. 235–242, 266–280.

или преодолевшие 4-процентный барьер на общенациональном уровне. Для распределения мандатов используется тот же метод, что и на первом уровне. Наконец, мандаты, оставшиеся нераспределенными на втором уровне, и остатки голосов переходят на общенациональный уровень, и здесь уже распределение происходит по методу д'Ондта¹.

Похожая (но двухуровневая) система в Болгарии. Территория страны разделена на 31 многомандатный округ, из них три округа в Софии, два в Пловдиве и 26 в остальных областях. На первом этапе мандаты распределяются в этих округах (с использованием квоты Хэйра), а на втором — в общенациональном округе².